

Религиозные корни боевых искусств

Роль синто в формировании и развитии традиций японских единоборств

По данным Российского союза боевых искусств разного рода японскими единоборствами (будо) только в России занимается около 4,5 млн. человек. Еще примерно столько же – в самой Японии и чуть поменьше в остальных странах мира. Едва ли не большинство этих людей с радостью одевает на занятия тренировочные кимоно – кэйкоги, приходит в залы – додзё, бьет поклоны одной из стен зала, а после тренировок умиротворенно рассуждает о «духовных основах» будо. Обычно они ограничиваются сентенциями на тему дзэн-буддизма, хотя значительная часть того, что происходило на тренировке, имела отношение к совсем иной культуре – исконной религии японцев синто. Почему же миллионы людей в самых разных странах молчат об этом?

В современном мире синто является той частью традиционной японской культуры, восприятие которой сильно ограничено по субъективным мотивам. Синто имеет негативный имидж за пределами Японии, прежде всего, в Китае и Корее, где прочно ассоциируется с захватнической идеологией японского милитаризма начала XX века. При этом официально синто никогда не было «заклеймено» как религия агрессивная или «милитаристская» или еще хоть как-нибудь, что давало бы возможность понять причины такого своеобразного «остракизма». Более того, в самой Японии далеко не все способны принять возможность даже обсуждения синто за пределами страны – говорить о синто с иностранцами не принято.

Сименава, тории- обязательный атрибут синто. Фусими Инари Тайся.

Причину столь странного поведения японцев исчерпывающе сформулировал видный ученый и священник-канниси Сонода Минору: «Стоит только заговорить о синто, как немедленно всплывает термин кокка [государственное] синто. Такой образ синто, как мне кажется, безусловно, существует, и у многих вызывает чувство протеста. Послемэйдзийское синто огульно именуют «государственным». Сам термин «государственное синто» был впервые использован после войны Штабом оккупационных войск. Раньше в Японии о нем и не слыхивали. Однако в сущности «государственное синто» существовало. Попросту говоря, синто время от времени

оказывалось связанным с национализмом. В известном смысле дело доходило даже до ультранационализма, и синто, видимо, посчиталось причастным к этому процессу. Нельзя отрицать, что синто изначально была присуща некая разновидность национализма... Достойным сожаления фактом является и то, что в условиях, когда синтоистские храмы были наделены функцией сплочения народа под эгидой государственной администрации, Япония перешла к военной структуре, в связи с чем эти храмы сделались местом пропаганды «лояльности и патриотизма».

Стремление сочетать будо, синто и эту самую пропаганду, характерное для предвоенной Японии, нанесло всем японским воинским искусствам серьезный имиджевый урон. Дело в том, что до 1945 г. синто официально позиционировалось как один из трех основных источников воинского духа Японии – бусидо, без которого немыслимо истинное будо, и где синто выступало как основа патриотических чувств и лояльности. Сформулировавший идеи бусидо в их современной интерпретации Инадзо Нитобэ писал: «Верность своему монарху, благоговение перед наследственной памятью и почтительность по отношению к родителям внушались не какой-либо другой верой, а именно доктринами синтоизма, привнесшими покорность в характер самураев, во всем прочем весьма надменный. ...Эта религия... наполнила бусидо духом преданности повелителю и любви к своей стране».

Храм Хатидай дзиндзя, посвящённый Мусаси Миямото. Синтай «Священное тело» - кусок старой сосны, обвязанный сименава. Под этой сосной разворачивались трагические события боя Мусаси со школой Ёсилки Кэмпо, описанные в романе «Десять меченосцев».

Разумеется, после войны внешнее обозначение моральных ценностей резко поменялось, сложившаяся ситуация была должным образом проанализирована, и подавляющее большинство современных федераций и клубов будо, особенно имеющих выход на международный рынок, предпочли просто перевернуть эту страницу истории. Сегодня они не решаются даже вспоминать о синто. Нам же представляется естественным методичное изучение и правильное понимание японских будо в комплексе уникальной японской культуры, т.е. через глубокое осознание первичности синто в японской цивилизационной модели, его влияния на менталитет японцев и на историю создания классических воинских единоборств. А в том, что такое влияние было, есть и будет, нет никаких сомнений.

Автор монографии «Кэмпо». Традиция воинских искусств» профессор А.А. Долин, анализируя современную трактовку роли синто в японских единоборствах, заметил: «в мировой литературе по воинским искусствам принято за аксиому утверждение, что

религиозную доминанту и основу военной подготовки самурайского сословия в Японии составлял дзэн-буддизм. Отсюда как бы само собой вытекает, что именно это учение и исповедовали все мастера воинских искусств. В действительности же, источником воинского духа, началом и концом воинской стези для истинного самурая было, бесспорно, учение синто с его культурой «отечественных» божеств, покровителей и защитников края Ямато, с его почитанием предков, из которого произросло родовое и клановое устройство самурайского общества. Духи предков и синтоистские божества во главе с Аматэрасу-омиками и Сусаноо-омикото определяли бытие самурая, к какой бы буддийской секте он ни принадлежал. Синтоистские верования составляли тот фундамент, на котором начиная с VII в. (задолго до широкого распространения дзэн) строилось и надстраивалось величественное здание японского буддизма. Не будь синто, сам буддизм на японских островах, вероятно, имел бы иную историю».

Действительно, если верить разнообразным и довольно многочисленным мифам, включая сюда «священные писания» синто – «Кодзики» и «Нихонги», то создание многих школ боевых искусств связано с актами мистического озарения или духовной передачи знаний от божеств в период совершения молений и аскетической практики в синтоистских святилищах или в других местах почитания ками – как, например, на горе Курама близ Киото. Примером тому может служить традиция школ, ставших основой синбу – «божественных воинских искусств» – Катори синто-рю, посвященной воинскому божеству Такэмикадзути-но ками, и Касима синто-рю, посвященной духу-воину Фуцунуси-но ками: «синтоистские божества становились покровителями наиболее влиятельных самурайских школ кэндо и дзюдзюцу, таких как Катори синто-рю, Араки-рю, Асяяма итидэн-рю, Мусо-рю, Синсин-рю, Ёсин-рю, Кураку-рю, Итин-рю, Тэнсин синъё-рю, Рёи синто-рю и многих других. Нередко и центры этих школ были расположены при синтоистских святилищах».

Стремление перенести легенду в реальность, повторить удивительные свершения воинов прошлого и получить божественное озарение характерно для некоторых мастеров воинских искусств и сегодня. Наибольшую известность среди современных адептов будо снискали отшельнические подвиги двух знаменитых мастеров недавнего прошлого: Уэсиба Морихэи и Ямагути Гогэн. Первый провел четыре года на горе Аябэ в неустанных упражнениях духа и плоти, заполняя досуг беседами с синтоистским священником-«обновленцем» Дэгути Онисабуро. Второй – легендарный Ямагути Гогэн, создатель современного каратэ Годзю-рю, был убежденным приверженцем синто и считал его основой всех исконно-японских воинских искусств, уделяя много внимания отправлению синтоистских ритуалов. Он пропагандировал Годзю-синто как философскую базу своей школы и требовал от учеников проникновения в суть синтоистской доктрины бытия. Одновременно Ямагути усиленно занимался дзэнской медитацией и увлекался оккультной стороной буддизма, что тоже неудивительно для японской традиции. Как писал об этом А.А. Долин, «вполне очевидно, что и в Новейшее время синтоистско-буддийский синтез в сочетании с конфуцианской системой этического воспитания остается основой будо, воплощая саму суть многовековой целостной традиции физического и духовного самосовершенствования в Японии».

Традиционная «апелляция» к богам синтоистского пантеона в японской культуре не была новацией мира будо. Ранее «именно к синтоистским божествам в первую очередь обращались за помощью оружейники, создатели уникальных доспехов и непревзойденных мечей, считавшихся «душой самурая» отнюдь не в буддийской, но именно в синтоистской трактовке этого понятия, о чем тоже сегодня предпочитают не вспоминать. Начало работы оружейника сопровождалось торжественным ритуалом очищения (мисоги и хараи), поклонения синтоистским божествам и духам предков, причем иногда это могли быть даже второстепенные божества – покровители рода или профессии, напрямую не соотносящиеся с воинскими искусствами. Еще более торжественного ритуала требовало завершение работы».

Кстати, в современной Японии те же духи, что покровительствовали когда-то кузнецам, почитаются в модернистских формах. Например, в автомобильной корпорации «Тойота» синтоистские боги-металлурги покровительствуют автомобилестроителям, что с японской точки зрения вполне естественно: сегодня не меч остается душой самурая, а автомобиль стал душой клерка, но никому не приходит в голову отказываться от покупки Тойоты из-за ее связи с синто. Однако в мире боевых искусств невежество пока еще занимает очень прочные позиции, а имидж превалирует над знаниями.

Изменилась ли от этого роль самого синто? Ответ очевиден – нет. Изменилось восприятие, но, как часто бывает в японской истории, один из стержней, на которых покоится японская цивилизационная модель, остается непоколебимым, даже если об этом центре пока предпочитают не вспоминать, или сводить его роль к декоративным функциям. Быть японцем по-прежнему значит быть синтоистом. Изучать японские единоборства, не вспоминая о синто, значит заниматься рукопашным боем, а не японской борьбой. Наконец, изучать синто вовсе не означает – поклоняться ему. Впрочем, последнее – тема отдельного разговора.

*Александр Арабаджиев
Александр Куланов
Religo.ru*

Дополнительная литература

Сонода Минору *Мир синто*. М., 2001

Инадзо Нитобэ *Бусидо. Дух Японии*. Киев. 1997

Долин А.А., Духовное наследие японских будо в эпоху глобализации // *Додзё*, №6/2005